

ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРРАТИВА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПРИТЧ

П. А. БУТАКОВ

Институт философии и права СО РАН
pavelbutakov@academ.org

PAVEL BUTAKOV

Institute of Philosophy and Law SB RAS

IMPLICIT NARRATIVE MEANING OF THE GOSPEL PARABLES

ABSTRACT: Many of Jesus' parables function not only as metaphors but also as narratives. As stories, these parables carry implicit meanings. This paper aims to explore how the author conveys these implied meanings within the story and how the audience interprets them. First, I examine those parables in the Gospels that include a moral lesson. Second, I analyze the reception of parables that lack explicit interpretations in the Gospels, particularly within the Eastern Orthodox liturgical tradition. In both cases, I identify two key devices that communicate the implicit meaning. The first device involves generalizing the specific characters and details to convey a broader, even universal significance. The second device is the audience's ability to identify with the emotions or choices of the characters during the climax of the narrative.

KEYWORDS: narrative, metaphor, transmission of knowledge, parable, Gospel, liturgy.

Введение

Существует множество способов поделиться с собеседником своими соображениями не проговаривая их в явном виде. Для этого мы используем иносказания, аллюзии, имплицатуры¹ и незаконченные умозаключения. Особое место среди этих способов занимают истории. Нарративная форма речи обладает собственным уникальным потенциалом для неявной передачи идей. Эта уникальная способность историй служить носителем скрытых пропозиций представляет особый интерес для эпистемологии: в чем же, соб-

¹ Имплицатура – это подразумеваемый смысл реплики, который отличается от ее буквального содержания и должен быть выведен собеседником из контекста разговора (Grice 1975).

ственно, заключается специфика нарративной имплицитной передачи знания? Другими словами, что такого особенного есть в историях, чего нет в других речевых приемах, и что позволяет успешно донести свою мысль до собеседника в неявном виде?

Одним из перспективных способов изучения механизма эпистемического воздействия нарратива является анализ реальных ситуаций успешной (или безуспешной) передачи идей посредством историй. Для этого можно проводить различные психологические или социологические исследования, а можно обратиться к уже имеющимся в литературе примерам понимания историй. В данной статье в качестве такого примера понимания историй будут выбраны евангельские притчи Иисуса Христа и церковная традиция их толкования. Чем обоснован выбор данного материала для исследований? Во-первых, многие притчи сопровождаются указаниями на то, какую мысль автор хотел передать этой притчей. Во-вторых, в Евангелиях нередко говорится о том, какую притчу слушатели смогли или не смогли понять, и как именно они ее поняли. Наконец, церковная традиция, которая включает патристические и литургические тексты, содержит обилие различных толкований притч Иисуса, что позволяет изучить эпистемическое воздействие евангельских историй на разных людей.

Сразу же нужно сказать, что в задачу данного исследования не входит толкование самих притч. Я вовсе не пытаюсь разработать какой-то еще один новый метод понимания того, что хотел сказать Иисус. Меня интересует то, как работают истории – любые истории, – и то, какие свойства нарративной формы поучения способствуют успешной передаче знания от рассказчика к слушателям. Также, ввиду ограниченного объема статьи, я решаю лишь одну узкоспециализированную задачу, следуя идеалам аналитико-философского подхода, и не вступаю в диалог с многочисленными работами в области нарратологии, литературоведения, антиковедения и библеистики, что неизбежно увело бы нас в сторону от поставленной цели.

Структура статьи такова. В первой части я провожу различие между метафорическим и нарративным содержанием притчи с целью отмежеваться от первого и сосредоточиться на втором. Во второй части я классифицирую евангельские притчи, во-первых, по признаку наличия в них полноценного нарратива, и, во-вторых, на те, которые истолкованы самим рассказчиком, и те, которые остались без толкования. В третьей части я анализирую то, как притчи истолковываются в самих Евангелиях, и выделяю два принципа понимания нарратива: обобщение и самоотождествление. В четвертой части я рассматриваю то, как не истолкованные в Евангелиях притчи были поняты в церковной традиции, и нахожу там те же два принципа понимания.

1. Метафорическое и нарративное содержание притч

Притча имеет двойную природу. С одной стороны, это метафора, с другой стороны – история. Обычно интерес к евангельским (как, впрочем, и ко всем остальным) притчам связан с их метафорической природой, и толкователей в первую очередь волнует вопрос о том, что именно обозначают символические элементы повествования. Когда слушатели Иисуса не понимают смысла рассказанной им притчи, то они не понимают именно этот ее аспект, и тогда ему приходится раскрывать ученикам значение метафор: например, в притче о сеятеле семя означает слово Божие, а разные типы почвы означают разные типы людей, которые по-разному реагируют на услышанное слово (Мф. 13:18-23). Некоторые евангельские притчи попросту состоят из одной метафоры и не имеют никакого сюжета², наподобие сравнения Царства Божиего с закваской (Мф. 13:33). Толкования евангельских притч в патристической литературе также преимущественно сосредоточены на раскрытии значения метафор, причем мнения церковных толкователей нередко расходятся. Например, в притче о работниках в винограднике (Мф. 20:1-16) работники, нанятые в разное время дня, символизируют либо людей, обратившихся к вере в Бога в разном возрасте³, либо людей, последовавших за Христом в разные периоды его земного служения⁴, либо разные исторические группы верующих от Адама до христиан⁵, либо разные поколения проповедников от ветхозаветных пророков до апостолов⁶, либо монахов с разной продолжительностью пребывания в монашестве⁷. Многие толкователи при этом признают, что одна и та же притча может иметь сразу несколько символических значений, и богослов не должен ограничиваться лишь каким-то одним из них⁸.

Помимо ее метафорического содержания, притча может быть рассмотрена как нарратив: история с персонажами, сюжетом и драматическими элементами. Некоторые евангельские притчи, как уже было сказано выше, не

² Уже у Оригена мы встречаем классификацию притч Иисуса на, собственно, притчи и уподобления (*Comm. Mt.* 10.4).

³ См. Иоанн Златоуст (*Hom. Mt.* 64.3-4).

⁴ См. Ефрем Сирин (*Comm. Diatess.* 15).

⁵ См. Кирилл Александрийский, *Беседа на притчу о винограднике* (Fr. 226).

⁶ Григорий I Великий (Двоеслов) (*Hom. Ev.* 19.1).

⁷ Максим Исповедник (*Qu. Dub.* 127).

⁸ В средневековой схоластике доминировал подход Иоанна Кассиана, согласно которому толкование Писания должно включать нахождение четырех значений одного и того же пассажа (Gowler 2017, 65).

имеют полноценного сюжета, но некоторые имеют, и многие из них стали драматургической классикой, например, притча о блудном сыне (Лк. 15:11-32), о милосердном самарянине (Лк. 10:30-35), о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31). При нарративном анализе метафорическое значение притчи отступает на задний план, а в центре внимания оказывается история и личность персонажа: его характер, переживания, его выбор в конфликтной ситуации и последствия этого выбора. Важным условием понимания смысла притчи как нарратива является сопереживание герою повествования. Вдобавок, полноценный нарратив должен иметь завязку, кульминацию и развязку сюжета⁹, и именно кульминация, будучи наиболее напряженным и эмоционально насыщенным фрагментом истории, вызывает максимальное чувство сопереживания и, следовательно, является ключом к пониманию смысла притчи. Смысл притчи как нарратива – это мораль истории, которая обычно выражается в виде одобрения или осуждения действий героя или в виде призыва поступать или не поступать так же.

В данной работе евангельские притчи рассматриваются не как метафоры, а как нарративы, поскольку, как уже было сказано, моя основная задача состоит в том, чтобы на материале притч и их толкований изучить механизм нарративной имплицитной передачи знания.

2. Классификация евангельских притч

Всего в Евангелиях содержится около сорока притч Иисуса, однако многие из них не являются нарративами. Чтобы быть полноценным нарративом, притча должна включать в себя историю персонажа с его переживаниями и принятыми им решениями, а также иметь развивающийся сюжет с завязкой, кульминацией и развязкой. Некоторые евангельские притчи вообще не содержат никакого сюжета. Некоторые, несмотря на наличие в них персонажей и событий, сосредоточены не на истории персонажа, а на внешних обстоятельствах. Если рассмотреть, например, притчу о сеятеле (Мф. 13:1-9), то в ней есть персонаж – сеятель, и есть последовательность событий: птицы склевывали часть посеянных зерен, взошло солнце и часть всходов завяла, появились сорняки и погубили часть взошедших растений, а часть растений выросла и принесла плод. Тем не менее, в этой притче нет истории самого сеятеля, нет его переживаний и решений. Данная притча – это метафора, или даже несколько метафор, но никак не нарратив. Есть притчи, где персонаж,

⁹ Существуют различные теории структуры нарратива, датируемые от Аристотеля до современности. Для данного исследования они избыточны. Нам достаточно весьма поверхностного деления нарратива на начало, высшую точку и финал.

казалось бы, принимает решение, но данное решение не связано с моральным выбором и не сопровождается переживаниями. Например, в притче о плевелах (Мф. 13:24-30) решение домовладыки не выпалывать сорняки на пшеничном поле обосновано чисто практическими соображениями и не раскрывает характера героя. Есть притчи, описывающие переживания персонажа, но эти переживания не связаны с моральными дилеммами и спорными решениями, а являются, скорее, естественной реакцией на события. Так, например, в притче о заблудшей овце (Мф. 18:12-13) или потерянной драхме (Лк. 15:8-9) герои сначала принимают разумное и предсказуемое решение заняться поисками пропажи, а затем вполне ожидаемо радуются, когда находят ее. Опять же, эта радость героев ничего не говорит нам об их характере за исключением того, что они – обычные люди. Вдобавок, во всех указанных притчах отсутствует развитие и кульминация сюжета, а есть лишь последовательность событий. Наконец, в притче о десяти девах (Мф. 25:1-13) есть и развитие сюжета, и даже некоторая кульминация, в которой мудрые девы решают не делиться маслом с неразумными. Однако в этой притче ничего не сказано о характере и переживаниях персонажей, а принятое мудрыми девами решение преподносится не как моральное, а как прагматичное и вполне ожидаемое, коль скоро они названы «мудрыми». Итак, все эти и им подобные притчи не являются нарративами и, следовательно, не подходят в качестве материала для нашего исследования.

Кто-то может возразить, что используемые мной критерии нарративности слишком жесткие, и что некоторые из указанных притч все же являются пусть и неполноценными, но все же нарративами. Я не стану погружаться в споры о том, где именно проходит граница между нарративом и просто описанием событий, поскольку, во-первых, эта граница нечеткая. Во-вторых, для нашего исследования необходимо выбрать те притчи, которые несомненно являются нарративами, а спорными случаями будет лучше пренебречь.

В качестве подходящих для данного исследования полноценных нарративов можно выделить следующие притчи: о немилосердном заимодавце (Мф. 18:23-35), о работниках в винограднике (Мф. 20:1-16), о злых виноградарях (Мф. 21:33-41), о брачном пире (Мф. 22:2-13), о талантах (Мф. 25:14-30), о милосердном самарянине (Лк. 10:30-37), о блудном сыне (Лк. 15:11-32), о неверном управителе (Лк. 16:1-9), о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31), о мытаре и фарисее (Лк. 18:10-14).

Далее, выбранные нами притчи следует разделить на две группы: те, которые в тексте Евангелия сопровождаются толкованием, и те, что приводятся без толкования. Притчи первой группы интересны для нас тем, что в них мы уже знаем, какую именно мысль пытается передать рассказчик посредством

притчи. Это дает нам возможность проследить, какие нарративные средства используются автором для передачи своих идей. Притчи второй группы интересны тем, что, не имея заранее известного значения, они открывают простор для различных толкований. Именно эти притчи следует рассмотреть с точки зрения того, как их понимали последующие поколения христианских авторов. Эти исторические толкования позволяют нам обнаружить особенности эпистемического воздействия нарратива на слушателей.

3. Истолкованные притчи

В данном разделе мы рассмотрим те притчи, которые, во-первых, обладают свойствами полноценного нарратива, и, во-вторых, сопровождаются в евангельских текстах неким толкованием, моралью истории или каким-то пояснительным комментарием рассказчика. К ним относятся притча о немилосердном заимодавце, о злых виноградарях, о милосердном самарянине, о неверном управителе, о мытаре и фарисее. Рассмотрим эти притчи и их указанное автором значение, чтобы найти, во-первых, какого рода мораль следует из этих историй, и, во-вторых, как эта мораль связана с элементами нарратива.

Притча о немилосердном заимодавце (Мф. 18:23-35). В завязке сюжета истории некий царь в ответ на мольбы главного героя прощает ему огромный денежный долг. В кульминации истории герой встречает своего товарища, который должен ему небольшую сумму, и насильственным путем добивается возврата долга. Тот умоляет его об отсрочке, но наш герой решает не прощать товарища и подвергает его тяжелой участи. В развязке истории царь сурово наказывает героя за его немилосердное решение. В конце Иисус приводит мораль истории: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его»¹⁰ (Мф. 18:35). Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в морали происходит обобщение: частный пример немилосердного заимодавца распространяется на всех слушателей («каждый из вас»), а денежный долг товарища на любые согрешения. Во-вторых, мораль истории связана с тем решением, которое герой принимает в кульминационный момент истории, когда он мог простить долг, но решил не прощать.

Притча о злых виноградарях (Мф. 21:33-41). История начинается с того, что некий хозяин отдает свой виноградник на попечение виноградарям. Затем хозяин посылает сначала слуг, а затем своего сына за урожаем, но виноградары не отдают им урожай и в кульминационный момент истории убивают

¹⁰ Здесь и далее цитаты из Евангелий приводятся по Синодальному переводу.

сына. В финале хозяин убивает злодеев и отдает виноградник добросовестным людям. В итоге Иисус говорит: «Отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43). Эту притчу Иисус рассказывал первосвященникам и старейшинам (Мф. 21:23), и в результате они «поняли, что Он о них говорит» (Мф. 21:45). Произошло самоотождествление слушателей с героями притчи, но не с теми, с кем хотелось бы, – ведь первосвященники в силу своего статуса могли бы отождествить себя, например, со слугами хозяина, – а с теми, кто принимает моральное решение в кульминационный момент: со злодеями.

Притча о милосердном самарянине (Лк. 10:30-37). В отличие от ранее рассмотренных притч, здесь герой – самарянин – положительный персонаж. Он испытывает жалость к человеку, побитому разбойниками, и не жалеет сил и средств, чтобы ему помочь. Мораль звучит просто: «Иди, и ты поступай так же» (Лк. 10:37). Помимо самарянина в притче есть другие персонажи – священник и левит, – которые прошли мимо пострадавшего, не оказав ему помощи. Однако рассказ о них находится в начале сюжета, и мы ничего не знаем ни об их характере, ни о причинах их решения не помогать человеку. Выбор же самарянина и его переживания расположены в кульминационной части, поэтому самоотождествление слушателя должно происходить именно с ним, и мораль истории связана именно с его милосердным поступком.

Притча о неверном управителе (Лк. 16:1-9). На мой взгляд, в этой притче лучше всего прослеживается действие нарратива. Завязка истории состоит в том, что некоему управителю из-за обвинения в воровстве грозит увольнение. В кульминационной части он испытывает страх за свою судьбу и, пользуясь пока еще не утраченными полномочиями, произвольно списывает долги должникам своего господина, чтобы заручиться их поддержкой в будущем. В развязке господин хвалит героя за его смекалку. В конце Иисус также отмечает догадливость главного героя и произносит мораль истории: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16:9). Здесь мы снова видим, во-первых, обобщение – ситуация управленца, беспокоящегося о своем будущем, распространяется на всех слушателей вне зависимости от их профессии и коррупционных возможностей. Во-вторых, здесь также подразумевается самоотождествление слушателей с героем в момент кульминации, с его переживаниями и поиском решения. И коль скоро догадливый герой притчи сумел вовремя найти выход из безнадежной ситуации, то и от слушателей ожидается последовать его примеру и уже сейчас позаботиться о своей участи в вечности, используя все доступные средства. Если не учитывать эти

принципы работы нарратива, то эту притчу следовало бы понимать как призыв к администрации развивать коррупцию и круговую поруку, однако мы видим, что такое толкование не соответствует замыслу автора.

Притча о мытаре и фарисее (Лк. 18:10-14). С точки зрения нарративной структуры это двойная притча: в ней два персонажа, две истории и две кульминации, при этом общие начало и финал. Два героя – мытарь и фарисей – пришли в храм помолиться. В кульминации истории фарисея тот горделиво декларирует свое религиозное превосходство над другими людьми и благодарит Бога за это. В кульминации мытаря тот стыдливо признает себя недостойным и просит Бога о милости. В финале же выясняется, что Бог проявил благосклонность не к фарисею, а к мытарю. Мораль притчи содержит два тезиса: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет» и «Унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14). Здесь хорошо виден механизм обобщения: пример фарисея распространяется на всех, возвышающих себя, а пример мытаря – на всех, унижающих себя. Самоотождествление слушателя может происходить с любым из двух равноправных героев, и в зависимости от этого значением притчи будет либо осуждение, либо одобрение.

Итак, рассмотрев эти пять притч и их объяснение, можно сделать следующие выводы. По своей сути, имплицитный смысл или мораль истории – это оценочное суждение о некоем типе действий. Эта мораль также подразумевает призыв совершать или не совершать действия данного типа и, возможно, предупреждает об их последствиях. Следует также выделить две особенности действия нарратива, которыми обеспечивается успешная передача имплицитного смысла. Первая – это обобщение. Несмотря на то, что история описывает единичный поступок из жизни одного человека, мораль истории распространяется на всех слушателей и на все действия этого типа. Вторая особенность – это самоотождествление. История успешно передает заложенный в нее смысл в том случае, если слушатели ставят себя на место главного героя, когда тот принимает решение о совершении рассматриваемого действия, и испытывают те же переживания. Этот эффект возникает благодаря тому, что данное действие помещается в кульминационную часть нарратива, где раскрываются эмоции и особенности характера героя.

4. Неистолкованные притчи

Теперь перейдем к рассмотрению тех притч, которые, как и предыдущие, обладают свойствами полноценного нарратива, но которые приводятся в Евангелиях без толкования или морали истории. Это притча о талантах, о брачном пире, о богаче и Лазаре, о блудном сыне, о работниках в винограднике.

В этих притчах мы не можем с уверенностью сказать, какую мысль хотел передать их автор. И здесь наибольший интерес для нашего исследования представляет то, как люди понимают притчу, мораль которой не известна заранее. Для этого следует обратиться к историческим толкованиям этих притч в церковной традиции, а именно, к патристическим и литургическим текстам.

К сожалению, поиск нужных нам толкований в патристических комментариях на притчи оказывается практически безнадежной затеей. Напомню, что ранее мы разделили способы толкования притч на метафорические и нарративные, и метафорические толкования были исключены из рассмотрения как не подходящие для задач исследования. Оказывается, подавляющее большинство патристических комментариев на притчи содержат метафорические толкования. Авторы комментариев рассуждают о том, что обозначают элементы притчи – например, кого олицетворяет старший сын в притче о блудном сыне, или что обозначает брачная одежда, – а затем делают из этого богословские, мировоззренческие или нравоучительные выводы. В этих текстах чаще всего отсутствует отношение к притче как к цельной истории и нет указаний на личные сопереживания автора какому-либо персонажу. Вероятно, это объясняется тем, что комментарии на Евангелия обычно составлялись с поучительной целью, и данная цель не подразумевает того, что учитель станет делиться особенностями своего личного восприятия истории. В любом случае, ответ на вопрос о том, почему отцы церкви предпочитают метафорическое понимание притчи нарративному, выходит за рамки данной работы. В какой-то мере исключением являются те случаи, когда комментатор, следуя метафорическому пути толкования, отождествляет с персонажем притчи некую группу людей, к которой принадлежит сам. Например, если работники в винограднике, нанятые в одиннадцатый час, символизируют христиан из язычников, то автор, будучи христианином из язычников, может говорить от первого лица – «мы»¹¹. Однако, этого все равно недостаточно, чтобы уверенно распознать в таком толковании восприятие притчи как нарратива.

Прямо противоположная картина наблюдается в литургических текстах. Там метафорическое толкование отступает на второй план, а центром внимания становится отождествление себя с героем притчи. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Притча о талантах (Мф. 25:14-30). В данной притче четыре персонажа: некий господин и три раба. В начале истории господин поручает рабам развитие его предприятия и с этой целью выделяет им крупные суммы денег: одному пять талантов, другому два, третьему один. Через некоторое время

¹¹ См., напр.: Кирилл Александрийский, *Беседа на притчу о винограднике* (Fr. 226).

первые два раба возвращают деньги с прибылью и получают похвалу господина. Когда дело доходит до третьего раба, начинается кульминация истории. Третий раб испытывает страх перед господином, считает его злым человеком, и поэтому принимает решение не участвовать в его делах. Он демонстративно возвращает выданную сумму без прибыли. В финале господин наказывает третьего раба. С кем же из персонажей отождествляет себя слушатель? С тем, чьи переживания и чей выбор расположены в кульминации нарратива: с третьим рабом, которому дали один талант. Слушатель как бы оказывается в точке принятия решения как поступить с выданным талантом: «Вот, Владыка вверяет тебе талант, о душа моя! С трепетом прими сей дар»¹². На основании этого формулируется мораль истории: «Потрудись, о несчастная душа: умножай данный тебе талант»¹³. Вдобавок здесь происходит обобщение: талант как средство получить финансовую прибыль обобщается до таланта как любой полезной способности души.

Притча о брачном пире (Мф. 22:2-13). Некий царь готовит пир по поводу свадьбы своего сына и зовет именитых гостей, но гости отказываются прийти. Царь делает еще одну попытку и получает еще более решительный отказ. Тогда царь гневается и сурово наказывает отказавших ему. Далее царь зовет на пир случайных людей с улицы, и его дом наполняется гостями. Но среди пришедших оказывается человек в неподходящей для пира одежде. Царь пытается выяснить у гостя, почему тот одет не так, как подобает, но гость молчит. Притча заканчивается тем, что этого гостя связанным выпроваживают из дома царя в место заключения и страданий. Эта притча состоит из двух последовательных историй: одна про царя, а другая про человека без брачной одежды. В каждой есть характер, эмоции и поступок героя. Однако слушателю достаточно сложно отождествить себя с царем – такая своеобразная ситуация не близка обычному человеку. Вдобавок, в первой истории нет развязки сюжета – там не сказано о последствиях решения царя покарать отказавших ему. Нарратив без финала оказывается неполноценным, не работающим. Зато ситуация второго персонажа кажется до боли знакомой, и его поступок – его неожиданное молчание – однозначно воспринимается как оцепенение от ужаса и беспомощности. Поэтому неудивительно, что в литургических текстах самоотождествление происходит именно с тем, у кого нет подобающей одежды и кто из-за этого не может присоединиться к празднику: «Во свет Твоих святых как войду я, недостойный? Ведь если я дерзну войти с ними в чертог, одежда обличит меня, ибо она не брачная, и ангелы, связав,

¹² Стихиря на литургии Великого вторника (Кочетков и др. 2025, 143).

¹³ Кондак на утрени Великого вторника (Кочетков и др. 2025, 142).

меня изгонят»¹⁴. Также следует обратить внимание на механизм обобщения – отсутствие необходимой одежды расширяется до любых душевных недостатков: «Чертог Твой *брачный*, о Спаситель мой, я вижу приготовленным, но одежды не имею, дабы войти в него. Исполни же светом ризу моей души, о Податель света, – и спаси меня»¹⁵.

Притча о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31). Краткое содержание притчи таково: некий богач вел роскошную жизнь, но не проявил милосердия к нищему Лазарю. Потом оба умерли, и богач попал в ад, а Лазарь – на лоно Авраама, в место блаженства. Дальше начинается кульминация истории, где богач страдает и пытается как-то облегчить свои мучения. Он даже вдруг начинает проявлять заботу о своих живых братьях и хочет повлиять на их загробную участь. Но в финале истории оказывается, что он уже ничего не может изменить ни для себя, ни для других. Несмотря на традиционное название притчи, ее героем является только богач, поскольку характер и поступки Лазаря в ней не обсуждаются. Стоит еще раз отметить, что кульминация истории не включает в себя решение богача не помогать Лазарю – оно находится в завязке сюжета. В центре нарратива – страдания богача и отчаянные попытки изменить свою участь. Литургическое восприятие притчи связано именно с этим, кульминационным моментом: «Богат я страстями и облачен в ризу лицемерия и обмана, услаждаюсь злыми делами невоздержания и безмерное жестокосердие являю... Но Ты, Господи, сотвори меня Лазарем,... на лоне патриарха Авраама водвори меня по Своему человеколюбию»¹⁶. Из общих соображений можно было бы предположить, что мораль притчи должна быть как-то связана с побуждением к милосердию. Однако и структура нарратива, и его литургическое восприятие ставят акцент на просьбе об избавлении от наказания вопреки содеянным злодеяниям. При этом богатый герой притчи обобщается до любого слушателя вне зависимости от его достатка, а избыток денег у богача обобщается до избытка порочных страстей в душе каждого человека.

Притча о блудном сыне (Лк. 15:11-32). Это самая объемная и вдобавок самая известная из евангельских притч, поэтому ее не стоит здесь пересказывать пусть даже кратко. Следует лишь обратить внимание на важное для нас обстоятельство. В этой притче три персонажа – отец, старший сын и младший,

¹⁴ Стихиря на литургии Великого вторника (Кочетков и др. 2025, 143).

¹⁵ Эксапостиларий на утрени Великого понедельника (Кочетков и др. 2025, 138).

¹⁶ Стихиря на литургии в среду шестой седмицы Великого поста (Кочетков и др. 2025, 118).

«блудный» сын, и все три демонстрируют свой характер, переживания и делают морально значимый выбор. Поэтому в притче можно выделить три индивидуальных истории, у каждой из которых будет своя кульминация, связанная с моментом принятия решения: младший сын в отчаянии решает вернуться к отцу, отец от радости бросается навстречу сыну, старший сын в порыве ревности высказывает отцу свое недовольство. Однако у истории в целом есть своя, главная кульминация, которая определяется максимальной силой эмоций – это встреча младшего сына с отцом. Поэтому в литургической традиции самоотождествление происходит с младшим сыном именно в этот момент его личной истории. Уход от отца и растрата наследства воспринимаются как события прошлого, и решение вернуться тоже позади, а в центре внимания оказывается речь сына, обращенная к отцу в момент их встречи: «От славы отеческой Твоей бежал я безрассудно, в злых делах я расточил Тобою данное богатство, посему к Тебе я устремляю блудного сына зов: "О милостивый Отец, согрешил я против Тебя, но прими меня, кающегося, пусть я буду для Тебя, как один из работников Твоих!"»¹⁷. Что же касается истории старшего сына, то она явно проигрывает по силе эмоций и поэтому отступает на задний план.

Притча о работниках в винограднике (Мф. 20:1-16). Напоследок рассмотрим еще одну притчу, интерпретация которой в литургической традиции не вполне следует выявленным нами принципам. В этой притче нет ни четко выраженной кульминации, ни драматического финала. Некий хозяин нанимает работников в свой виноградник в разное время дня – от первого часа, то есть, с раннего утра, до последнего, одиннадцатого часа. В конце он платит всем обещанную им плату, которая оказывается одинаковой для всех. После этого нанятые утром стали возмущаться, что получили ту же плату, что и нанятые в конце дня. В конце хозяин говорит им, что он свое обещание выполнил, что он властен делать, что пожелает, и порицает их зависть. Казалось бы, самоотождествление должно происходить с теми, кто совершает эмоционально окрашенный и морально значимый поступок. Такие поступки в притче совершают щедрый хозяин и завистливые работники первого часа. Тем не менее, в литургической традиции самоотождествление происходит не с ними, а с работниками одиннадцатого часа, которые, фактически, не работали, но получили равную плату: «Если праведник едва спасается, где я, грешный, явлюсь, тяготы и зноя дневного не понесший? Но к наемникам одиннадцатого час притчи меня, Боже, и спаси меня»¹⁸. Почему так происходит?

¹⁷ Кондак недели о блудном сыне (Кочетков и др. 2025, 21).

¹⁸ Октоих, Гл. 1, понедельник, седален на утрени.

Здесь есть несколько вариантов ответа. Во-первых, это может быть связано с тем, что работники одиннадцатого часа вызывают наибольшее сопереживание у слушателя. Они целый день праздно простояли в ожидании найма, но оказались никому не нужны. В итоге хозяин просто пожалел их и заплатил им деньги ни за что. Подобная жизненная ситуация близка слушателю, и это способствует возникновению эмпатии. Во-вторых, возможно, что здесь задействованы какие-то другие, не описанные нами принципы действия нарратива. Наконец, в-третьих, самоотождествление слушателей с работниками одиннадцатого часа может быть вызвано не действием нарратива, а какими-то другими факторами, например, богословскими.

Подведем итог. Во-первых, ключевым принципом понимания нарратива евангельских притч в литургической традиции является самоотождествление с персонажем притчи в кульминационный момент истории. Этот момент определяется, в первую очередь, наивысшим эмоциональным напряжением повествования. Также важным, но не строго обязательным свойством кульминации нарратива является наличие в ней эмоционально окрашенного и морально значимого решения, принимаемого героем. Во-вторых, смысл нарратива воспринимается через процедуру обобщения, когда значение конкретных деталей истории – обстоятельств, поступков, вещей, – расширяется до той степени, чтобы включить все обстоятельства, поступки и вещи определенного типа, что позволяет отождествить себя с героем невзирая на нетождественность жизненных ситуаций.

5. Заключение

В результате нашего исследования мы обнаружили два способа нарративной передачи смысла притчи: обобщение и самоотождествление. Напомню, что речь идет о притче как об истории, а не метафоре. Можно обоснованно предположить, что эти два способа применяются не только в евангельских притчах, но и в любых нарративах, используемых для не прямой передачи какой-то идеи. В рамках эпистемологии этот вывод может указывать на два механизма нарративной передачи имплицитного знания: передачу общих суждений под видом частных и передачу оценочных суждений через эмоциональную окраску и последствия поступка героя в кульминационной части нарратива.

С одной стороны, полученные результаты могут показаться банальными и предсказуемыми. Достаточно простой интуиции и обыденного знания, чтобы догадаться, что смысл притч имеет некое универсальное значение и что важным аспектом восприятия любой истории является сопереживание чувствам персонажей и их решениям. С другой стороны, даже очевидные и

предсказуемые результаты все равно нуждаются в проверке и подтверждении фактическим материалом, что, собственно, и было проделано в данной работе.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кочетков, Г., Дашевская З.М., Озерский П.С., Пантеева Я.Р., пер. (2025) *Постная триодъ: Избранные песнопения на русском и церковнославянском языках*. Москва.
- Grice, H.P. (1975) "Logic and Conversation," in Cole, P. and Morgan J.L., eds. *Syntax and Semantics*, 3: *Speech Acts*. NY. 41–58.
- Gowler, D.G. (2017) *Parables after Jesus: Their Imaginative Receptions across Two Millennia*. Grand Rapids, MI.

References in Russian:

- Kochetkov, G., Dashevskaya Z.M., Ozerskiy P.S., Pantueva Ya.R., trs. (2025) *Postnaya Triod: Izbrannye pesnopeniya na russkom i tserkovnoslavianskom yazykah* [The Lenten Triodion: Select Hymns in Russian and Church Slavonic Languages]. Moscow.